

Ю. В. Рогозинникова
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И США В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

АННОТАЦИЯ. В современной лингвистике актуальны исследования в области теории поликодового текста. На основе научных трудов в области теории поликодового текста и политической карикатуры сделана попытка проанализировать образы политических лидеров США и России в политической карикатуре XXI века. В статье дан краткий обзор роли прецедентности и метафоры в политической карикатуре. В работе выделены ведущие антропоморфные образы американских и российского президентов, а также стратегии и тактики их формирования с точки зрения когнитивной метафоры. Приведена классификация наиболее частотных образов американских президентов (Дж. У. Буша, Б. Обамы, Д. Трампа) в политической карикатуре за рассматриваемый период. Материалом послужили 300 текстов политической карикатуры с образами американских и российского президентов. Сформированы оценочные доминанты в рассматриваемых образах с точки зрения теории когнитивной метафоры. Все анализируемые примеры объединяются в категориально-смысловое поле «Свои — чужие». Для достижения цели исследования использовался метод когнитивного и контекстуального анализа. Подавляющее большинство анализируемых текстов американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента, наиболее частотные тактики — невыгодное сопоставление, создание дискредитирующего контекста, идеализация/героизация одного из образов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая карикатура; прецедентные имена; политические метафоры; политический дискурс; политическая метафорология; российские президенты; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рогозинникова Юлия Владимировна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: julia-pavlukova@yandex.com.

Введение. Изучение политической карикатуры — одно из актуальных направлений современной лингвосомиотики. Политическая карикатура является жанром поликодового текста, т. е. текста, «в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах» [Анисимова 1992: 71]. При этом исследователи конкретизируют специфику средств поликодовых текстов, ср.: «В организации поликодовых текстов участвуют единицы разных семиотических систем: вербальной и невербальной. К невербальным компонентам относится графическая сегментация текста, расположение фрагментов текста, особенности шрифтового набора, цветообозначения, типографские знаки, цифры, средства иконического языка (рисунки, фотографии, таблицы, схемы и др.)» [см. подробнее: Дзюба 2016: 255].

Поликодовый текст становился предметом пристального внимания разных исследователей, среди которых Р. Барт (1989), Г. В. Ейгер и Л. Юхт (1974), Л. М. Большакова (1987), Р. О. Якобсон (1985), Ю. А. Сорокин (1990), Е. Е. Анисимова (1996) и другие, в более поздний период — И. М. Беляков (2009), Е. Ю. Дьякова (2011), Е. Р. Росинская и Е. И. Галяшина (2017), А. Г. Сонин (2005, 2006), М. Ю. Федосюк (2011), М. Б. Ворошилова (2013), Е. В. Шустрова (2013, 2014), О. О. Сподарец (2011, 2015), Е. В. Дзюба и Ю. Г. Ткаченко (2017) и др.

Политическая карикатура трактуется «в широком смысле как изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура — это особый жанр изобразительного искусства (как правило, графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социально-критической направленностью» [Середина 2012: 606]. Жанр политической карикатуры в разных аспектах рассматривался следующими учеными: Е. А. Артемова (2002), А. Н. Баранов (1991), М. Б. Ворошилова (2013), Д. Грейбер (1981), Л. А. Мардиева (2008, 2012, 2014), Р. Т. Садуов (2013), Е. В. Середина (2012), Е. В. Шустрова (2012, 2013, 2014, 2015).

Основной функцией политической карикатуры является сатирическая, которая тесно связана с другими ее функциями: эмотивной, регулятивной, креативной, иллюстративной и функцией культурной памяти. Функции жанра политической карикатуры являются частным проявлением отдельных функций политического дискурса в целом [см. подробнее: Шарапова 2013: 164].

Тексты политической карикатуры нередко строятся на использовании известных прецедентных имен, что позволяет рассмотреть поликодовый текст с позиций теории прецедентности. А. Е. Супрун отмечает в качестве специфической черты карикатуры то, что к невербальным прецедентным феноменам, помимо прецедентной ситуации,

относятся также и ценностно-значимые артефакты, включающие преимущественно произведения искусства [Супрун 1995]. В политической карикатуре используется четыре основных способа отсылки к прецедентным феноменам: точная цитация, квазичитация, аллюзия и квазиаллюзия. Все они являются маркерами категории интертекстуальности и способствуют порождению комического эффекта. Под точной цитацией понимается дословное воспроизведение части текста или высказывания в том виде, в котором текст или высказывание сохранились в памяти цитирующего [см. подробнее: Артемова 2002: 46].

Как отмечает М. Б. Ворошилова, «понятие „узнаваемости“ образа, в том числе визуального, действительно, основополагающее для карикатуры, и не только политической» [Ворошилова 2013: 17]. Рассматривая политическую карикатуру, Л. А. Мардиева указывает на оптимальную форму отражения этой особенности — *прецедентность*. «Феномен... прецедентности как нельзя лучше отвечает духу времени», — подчеркивает исследователь [Мардиева 2011: 202]. М. Б. Ворошилова, рассматривая прецедентные образы в политической карикатуре, утверждает, что «самый распространенный метод ведения неформальной информационной войны — обыгрывание традиционной политической символики, известных политических образов, позволяющее создать узнаваемый, а значит понятный образ, уже наделенный определенными смыслами, как правило, негативными» [Ворошилова 2011: 74].

Одним из частотных средств актуализации авторского замысла в политической карикатуре является метафора, которая выявляет создаваемые, приписываемые объекту образы. «Политическая карикатура обладает рядом специфических особенностей, которые объясняются тем, что карикатура имеет жанровые характеристики, присущие и политическому, и юмористическому, и массмедийному, и художественному дискурсам. Визуальная метафора в сюжете политической карикатуры является универсальным средством, которое отражает эти свойства. Прежде всего, визуальная метафора является метким и ярким средством украшения, а также описания актуальных политических явлений в мире, она служит для создания красочных сюжетов и позволяет точно и образно изобразить проблемы мирового сообщества», — отмечает Е. В. Середина [Середина 2012: 70—71].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение

опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде „схем образов“ (image schemas) — относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью. К схемам образов относятся, например, такие категории, как „вместительность“, „путь“, „баланс“, „верх — низ“, „перед — зад“, „часть — целое“» [Лакофф 2004: 11]. Анализ метафоры занимает важное место в осмыслении политического дискурса вообще и политической карикатуры в частности, см. работы Э. В. Будаева [Будаев 2006, 2010, 2015], Е. П. Казаковой [Казакова 2011], Л. В. Коцюбинской [Коцюбинская 2016], Т. И. Литвиновой [Литвинова 2015], Т. В. Таратыновой [Таратынова 2010], Е. В. Шустровой [Шустрова 2012] и др.

Целью данного исследования является анализ образов американских президентов с позиции когнитивной метафоры. Научная новизна работы состоит в попытке охарактеризовать способы формирования оценочной (положительной или отрицательной) доминанты в рассматриваемых образах с точки зрения теории когнитивной метафоры.

Методология исследования. Метафора необходима для создания художественного образа в политической карикатуре. Э. В. Будаев и ряд других исследователей относят «к наиболее распространенным базисным структурам концепты СВОИ/ЧУЖИЕ, МЫ/ОНИ, ХОРОШИЕ/ПЛОХИЕ. Таким образом, метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает широкие возможности для манипуляции массовым сознанием» [Будаев 2015: 13]. Все анализируемые примеры объединяются в категориально-смысловое поле «СВОИ — ЧУЖИЕ». Стратегии формирования образов президента в собранных для анализа поликодовых текстах условно можно представить в следующем виде: 1) «свой плохой — чужой хороший», 2) «чужой плохой — свой хороший», 3) «свой такой же плохой, как чужой». Каждая из стратегий реализуется определенным набором тактических приемов создания позитивного или негативного имиджа. Е. В. Дзюба при описании политических лидеров разных эпох выделяет целый ряд коммуникативных тактик, среди которых отмечает невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст, идеализацию/героизацию одного из образов и др. [см. подробнее: Дзюба 2015: 94—96]. При описании образов президентов в политических карикатурах обозначенные тактики также оказались востребованными. Таким образом, в данной статье с помощью лингвокогнитив-

ных и лингвопрагматических методов анализируется оценочный потенциал метафор, рисующих образы американских и российского президентов в креолизированных текстах.

Материалом для исследования послужили 300 текстов политической карикатуры, представляющих образы американских и российского президентов и опубликованных в СМИ с 2000 года по настоящее время. В качестве источников материала использовались американские и британские интернет-ресурсы: *politicalcartoons.com*, *wordpress.com*, *media.cagle.com*, *blogspot.com*, *crandall.wikispaces.com*, *danzigercartoons.com*, *davidmixner.typepad.com*, *de.cyplive.com*, *huffingtonpost.com*, *frontpagemag.com*, *blogs.denverpost.com*, *client.globecartoon.com*, *thebuffalonews.com*, *comicallyincorrect.com*, *beforeitsnews.com*, *indsayfincher.com*, *understandglobalization.com*, *jantoo.com*, *intoon.com*, *cyplive.com* (американские сайты); *telegraph.co.uk*, *uk.pinterest.com*, *dailymail.co.uk*, *thepoke.co.uk*, *mirror.co.uk*, *thetimes.co.uk*, *sunday-times.co.uk*, *express.co.uk*, *economist.com* и др. (британские сайты).

Обсуждение и результаты исследования. Отметим, что к настоящему времени в американских СМИ закреплена негативная оценка России. «Обзор материалов газетных статей показывает присутствие в них предвзятой трактовки событий, многочисленные стратегии направлены на пропаганду антироссийских настроений», — подчеркивает Н. А. Цыбина [Цыбина 2015: 183]. О. Н. Шалифова объясняет механизм наделения образа негативными смыслами так: «Образы публицистики обладают синтетической природой. С одной стороны, в них сильно чувственно-эмоциональное начало, с другой, —

логико-понятийное. Отсюда специфика публицистического образа: с одной стороны, в нем проявляется чувственно-эмоциональное восприятие творцом действительности, а с другой, — возникшие на этой основе образы „облучаются“ авторскими идеями и мыслями» [Шалифова 2016: 96].

ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ В АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

«Медвежья хватка» президента (Б. Клинтона). Биллу Клинтону посвящено 5 % от общего количества рассматриваемых примеров. Один из примеров акцентирует внимание на специфике поведения американского президента во взаимоотношениях с российским лидером, ср. заголовок карикатуры *President Putin puts his "Bearhug defence plan" into action*. — Президент Путин осуществляет „план по защите от медвежьего захвата“ (рис. 1), а также надпись на упавших бумагах *Bill Clinton's missile defense — ракетная (реактивная) защита Б. Клинтона* (*politicalcartoons.com*, 07.06.2000). Здесь используется метафорическое выражение *bear hug* — *медвежья хватка*, актуализирующее значение крепких, грубых объятий (*dictionary.cambridge.org*). Образ неуклюжего и распущенного президента противопоставлен собранному и сдержанному российскому президенту. Метафора позволяет реализовать здесь стратегию «Свой плохой — чужой хороший», поддерживаемую тактикой невыгодного сопоставления для одной из персоналий и тактикой создания дискредитирующего контекста.

Рис. 1

Рис. 2

Президент — косноязычный оратор. С приходом к власти в США Дж. У. Буша в 2001 г. западные СМИ стали чаще публиковать политические карикатуры с американским и российским президентами. Дж. У. Буш — турист с путеводителем *Europe on 5 Dollars a Day* — «Европа за 5 долларов в день», только вместо *dollars* стоит слово *gaffes* (от фр. *proмах, ошибка*); в английском языке *gaffe* обозначает замечание или действие, которое относится к неправильному поведению и считается невежливым, неуважительным (dictionary.cambridge.org). Название *Europe on 5 Gaffes a Day* обладает ироничной семантикой, так как речи 43-го американского президента нередко встречали смех и аплодисменты зала из-за оговорок, комичных слов и фраз, получивших название «бушизмы». *If it's saturday, this must be Putin.* — *Если сегодня суббота, то это должен быть Путин* (рис. 2) (media.cagle.com, 15.06.2001). Фраза построена по аналогии с названием американской комедии 1969 г. *If it's Tuesday, This Must be Belgium* («Если сегодня вторник, то это должна быть Бельгия»). Коммуникативная цель политической карикатуры состоит в «осмеянии и острой сатирической критике известных политических деятелей и значимых событий в сфере политики, в манипулировании общественным сознанием, например, путем создания или развенчивания определенного образа политика» [Артемова 2002: 99].

Американский президент — неуспешный военный стратег. В представленной ниже карикатуре встречаются следующие

метафоры: *холодная война*, впервые появившаяся в публикации 1945 г. (автор — Дж. Оруэлл, George Orwell), и *глобальное потепление*. В данном поликодовом тексте метафора становится инструментом, демонстрирующим жесткую политическую позицию российского президента, уверенного в себе и категоричного, точно формулирующего свои мысли. Этот образ противопоставлен образу осторожного, а возможно, и просто нерешительного американского лидера — Дж. Буша, ср.: *G8 Bush: In our continuing effort to counteract global warming... Putin: We have decided to bring back the cold war!* — На заседании «Большой восьмерки» Буш: «В наших постоянных попытках противодействовать глобальному потеплению...» Путин: «Мы решили вернуть холодную войну!» (рис. 3) (understandglobalization.com, 2007).

Президент — художник-любитель. В одной из карикатур политические лидеры обеих стран выступают в образе художников: *Bush: Hey Vladimir... I've done your portrait. Putin: Funny. I've been working on one myself too: The Empire strikes back.* — Буш: «Эй, Владимир, я нарисовал твой портрет». Путин: «Забавно, я тоже работаю над своим портретом. Империя наносит ответный удар» (futureofmedia.blogspot.com, 03.10.2012). Путин выступает в образе бесстрашного и дерзкого Дарта Вейдера, колоритного и неоднозначного персонажа известного американского фильма «Звездные войны». На таком фоне высвечивается вся нелепость образа неудачливого американского президента.

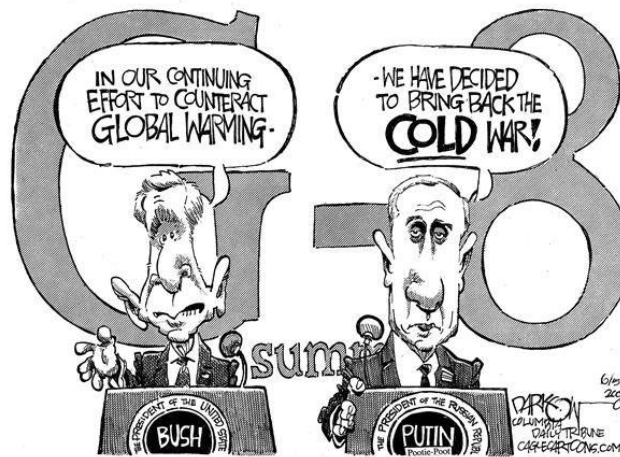

Рис. 3

Рис. 4

Президент — мнимый освободитель.

Указанный образ встречается в следующем поликодовом тексте: *Iraq. G.W.Bush. This is not war for oil! This is war on terrorism. Chechnya. V.V.Putin. This is not war for oil! This is war on terrorism.* — Это война не за нефть. Это война с терроризмом (рис. 4) (seppo.net, 2003). Участие США в войне в Ираке приравнивается к жестко критикуемым военным действиям России в Чечне. Подобный эффект достигается за счет повторения заголовка в обеих частях карикатуры, похожего фона и угрожающих поз президентов.

В следующем примере тоже актуализируется метафора *Cold War*. Телефонный разговор Буша и Путина. Буш: *Heu Putey! Want to start a new cold war? This war on terror just ain't scarin' 'em no more.* — Эй, Путин! Хочешь начать новую холодную войну? Эта война с терроризмом просто не пугает их больше (cartoonstock.com, 2007).

В следующей карикатуре приравниваются друг к другу военные конфликты в Грузии и Ираке: *Vladimir Putin wants you to stay out of the Russia-Georgia conflict. Will you respect his wishes? — Bush: The same way I respected the wishes of the Iraqi people? — Владимир Путин хочет, чтобы Вы остались вне конфликта Россия — Грузия. Вы будете уважать его пожелания? — Буш: „Так же, как я уважал пожелания иракского народа?“* (lowres.jantoo.com, 2008). *Moral grounds... Bush (Iraq): „Such an action is unacceptable in the 21st century!“ to Putin (Georgia).* — С моральной точки зрения... Буш (Ирак): „Такое действие недопустимо в 21-м веке!“ Путину (Грузия) (latuff2.deviantart.com, 05.05.2008). *Putin. Bush. The Great Negotiator "War": Come on! There must be something you two idiots can agree on...Mutually assured destruction? New cold war? Sticking it to the Chinese? — Белукий*

посредник „Война“: Да бросьте! Должно же быть что-то, на что вы оба согласитесь... Взаимно гарантированное уничтожение? Новая холодная война? Пойти против китайцев? (danzigcartoons.com, 12. 2007). Актуализированная в перечисленных контекстах милитарная метафора часто используется авторами поликодовых текстов для формирования отрицательного образа американских президентов на фоне прецедентного имени российского происхождения. Внешняя политика государства представлена образом его руководителя. Э. В. Будаев указывает на «важное место концептуальной метафоры ГОСУДАРСТВО — это ЧЕЛОВЕК в осмыслении политики (см. работы: Скребцова 2002; Чудинов 2001; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1991; Luoma-aho 2002 и др.)» [Будаев 2006: 88].

Президент — сторонник демократии.
Путин встречает в Москве саммит «Большой

восьмерки». *Putin's stamping out the political opposition. Suspending rights and curbing the media. G.Bush: I know. How cool is that? — Путин искореняет политическую оппозицию. Приостановка прав и ограничение СМИ. Дж. Буш: „Я знаю. Как же это круто?!“* (рис. 5) (politicalcartoons.com, 14.01.2006).

Bush driving a car “Russian democracy”: So, how do you get this thing out of reverse, Vlad? — Буш за рулем автомобиля „Русская демократия“: „Так, как ты переключаешь с задней скорости, Влад?“ (рис. 6) (media.cagle.com, 05.10.2005). В приведенных контекстах на фоне неоднозначного образа российского президента рисуется положительный образ приверженца демократии — Дж. У. Буша. Таким образом, здесь реализуется иная стратегия: «Чужой плохой — свой хороший», поддерживаемая тактическим приемом идеализации американского президента — демократа.

Рис. 5

Рис. 6

Несколько политических карикатур содержат, помимо прецедентного имени «Путин», прецедентное высказывание, принадлежащее Дж. У. Бушу («I looked the man in his eye. I was able to get a sense of his soul»). *Bush: I looked the man in his eye (Putin). I was able to get a sense of his soul. Putin's eye... Russia.* — Буш: „Я заглянул ему в глаза (Путину). И ощутил его душу“ (politicus usa.com, 14.04.2015). *Bush: Wait a minute! That's not his soul — that's a silo! — Буш: „Подождите минуту! Это не его душа, это бункер“* (intoon.com.cartoons.com, 10.06.2007). *Hammer & sickle in Putin's eyes.* — *Серп и молот в глазах Путина* (loc.gov, 07.2007; thegreatamericandisconnect.blogspot.com, 07.2014). Метафоры *душа* — *это бункер* и *серп и молот в глазах* актуализируют идею милитаристских и реваншистских настроений российского президента.

В целом образ этого американского лидера создается посредством военной метафоры и прецедентных феноменов — высказываний, именуемых бушизмами. Отмечаются превалирующие отрицательные образы Дж. У. Буша: косноязычный оратор, неважный военный стратег, художник-любитель, мнимый освободитель, однако не исключаются и положительные характеристики — приверженность демократии, хотя и она подается весьма неоднозначно. Доминирующая стратегия при создании образа американского президента — «Свой плохой — чужой хороший»; используемые тактики: невыгодное сопоставление и создание дискредитирующего контекста.

В 2008 г. Б. Обама вступил в должность президента США. Около 40 % из собранных контекстов посвящено этому президенту США. Одной из самых многочисленных концептуальных моделей (по Е. В. Шустровой) является образ президента — неудачливого игрока [Шустрова 2012: 52—55]. Так, на одной из карикатур изображены президенты-игроки, при этом у В. В. Путина в руках 4 туза и карта с изображением Сноудена. Президенты играют в покер. *Obama: Full house! Putin holding 4 aces and a Snowden card.* — *Обама: „Фул хаус!“* (рис. 7) (philsreport.blogspot.com, 10.2013). Выбор игры не случаен, так как ее название — *покер* — образовано от глагола *to poke* — *толкать, тыкать, ткнуть, мешать*. *Full house* может означать «аншлаг», «палату законодательного собрания», также «фул хаус» — комбинация из трех карт одного достоинства и двух другого. «A Snowden card» заменяет «джокера», «пятого туза», так как подразумевается политический скандал из-за поступка Э. Сноудена. Карикатурой подчеркивается безусловное преимущество В. В. Путина в игре.

Подобные невыгодные для Б. Обамы сопоставления с российским президентом — успешным игроком частотны в политических карикатурах, ср.: *To Obama: Sen. Graham did say this was a “game changer”.* *Sign: Snowden granted asylum.* — *Путин (шахматы). Обама (шашки). Сенатор Грэхем говорил, что он меняет правила.* Надпись: *Сноудену предоставлено убежище* (2.bp.blogspot.com, 2013). Выражение *Game changer* может переводиться как *прорыв, козырь в рукаве, способ изменить все, изменить ситуацию, громкое дело*.

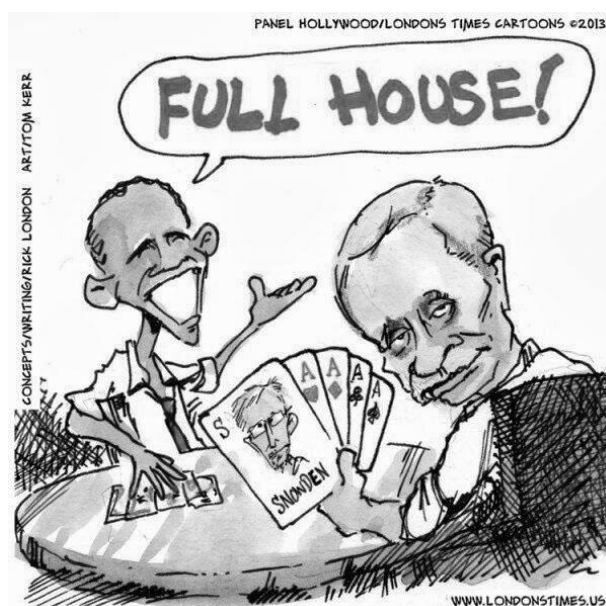

Рис. 7

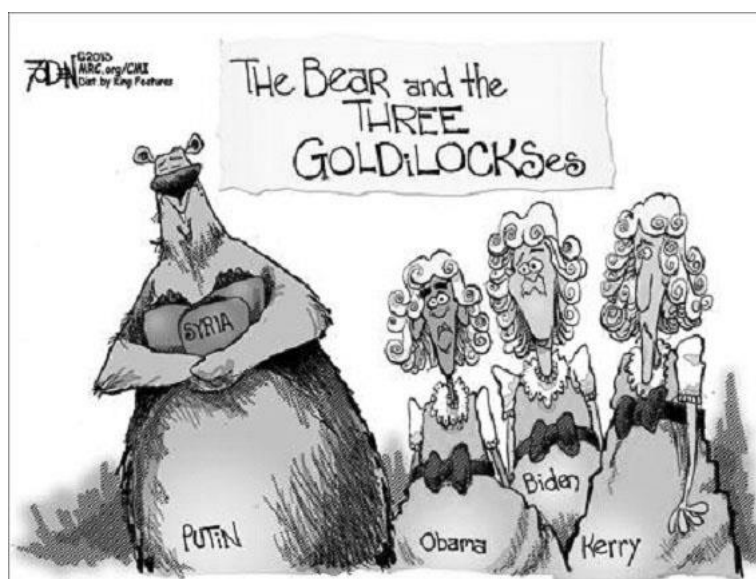

Рис. 8

Putin to Obama: *If they bring a knife, we bring a gun... What's your strategy?* — Путин — Обаме: „Если они принесут нож, мы возьмем ружье... Какая у вас стратегия?“ (comicallyincorrect.com, 09.2014). Заголовок гласит: *Putin's strategy NRD*. NRD (no record of destination) — аббревиатура «нет записи о месте назначения». На одной карикатуре Путин изображен с ядерной ракетой, Обама — с клюшками для гольфа и баллончиком с красной краской (Red line) (politicalcartoons.com, 10.2014).

Президент — слабый, безвольный соперник. Данная метафора встречается в следующих контекстах.

Obama to Putin: *After election I have more flexibility... See? Flexible! Ow! Ouch! Hurts!* — Обама — Путину: „После выборов я буду более гибким... Видите? Гибкий! Ой! Ай! Больно!“ (blogs.denverpost.com, 03.2014). На изображении Путин борется с Обамой, *flexible* — гибкий, гнущийся, свободный, податливый, уступчивый.

Then. To Putin: *Obama says he'll be more flexible after the election. Now. Putin: I won't.* — Путин проезжает по Обаме на танке. Обама говорит, что будет более гибким после выборов. Путин: „А я не буду“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Американский президент выступает бесхарактерным, слабым и беспомощным в сравнении с непреклонным в своей позиции, волевым и решительным российским лидером.

Президент — плохой полицейский. Имеются отсылки к тактике ведения допроса с использованием «хорошего» и «плохого» полицейских. Данный образ создается в следующем контексте: *Security Council. Good world cop (Obama). Bad world cop (Putin). Obama to*

Assad (Syria): Give up your stockpiles of poison gas or we'll start bombing... And we don't do pinpricks! Putin to Assad: *Stall for time and tell him what he wants to hear. Don't worry... I've got your back.* — Совет Безопасности. Обама — Асаду: „Избавьтесь от своих запасов ядовитого газа, или мы начнем бомбардировку... И мы не делаем выводов!“ Путин — Асаду: „Тяните время, говорите ему то, что он хочет услышать. Не волнуйтесь... Я вас прикрою“ (beforeitsnews.com, 30.09.2014). *Do pinpricks* означает «делать выводы», *pin-pricks* — политика мелких уколов, мелкая неприятность, досада, булавочный укол.

Президент — персонаж сказки. *The bear (Putin) and the three Goldilocks (Obama, Biden, Kerry).* — Медведь (Путин) и три Машеньки (Обама, Байден, Керри). Карикатура отсылает к англоязычной сказке «Goldilock and three bears» — «Златовласка и три медведя» (рис. 8; de.cypive.com, 2013). На рисунке представлены Обама и другие политики в образе девочек (антропоморфная метафора), у которых Медведь (Путин) забрал тарелки с кашей (Сирия). Изменение в содержании сюжета сказки говорит о том, что на этот раз Медведь поведет себя так, как обычно Маша ведет себя в домике у медведей. Сказочные персонажи помогают дать более меткую характеристику: трусливый, жалкий, беспринципный и т. п.

Президент — неудачливый участник рыбалки. Во-первых, как объект рыбалки может изображаться Обама: *US Syrian policy. Putin: I caught a 172 pound flounder (signed "Obama"). Obama: No. This is a mutually favourable cooperative effort. No, really...* — Америка-сирийская политика. Путин: „Я поймал 172-фунтовую камбалу“ (надпись:

„Обама“). Обама: „Это взаимоблагоприятное совместное усилие. Нет, на самом деле...“ (cyplive.com, 2013). Во-вторых, Обама представляется рыбаком с крайне скромным уловом: *Fish tales. Putin: It's enormous! 46 pounds! Pike. Obama: It's gigantic! It's huge! Goldfish (Economic recovery)*. — Байки рыбаков. Путин: „Огромная! 46 фунтов! Щука“. Обама: „Гигантская! огромная! Золотая рыбка“ (восстановление экономики) (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Э. В. Будаев указывает, что «политическая или экономическая „рыбалка“ — средство обогащения (преимущественно с негативным смыслом)» [Будаев 2007: 95]. Данный метафорический образ подтверждает, что «рыбы — типичный источник современных политических метафор, моделирующих зоонимические портреты деятелей сферы политики» [Литвинова 2015: 178].

Президент — недальновидный политик. Указанный концептуальный смысл отражен в следующем контексте: *Obama: I've placed the stiffest sanctions on Russia. Putin will be hurt politically. Putin: Obamacare? — Обама: „Я наложил самые суровые санкции на Россию. Путину политически будет нанесен урон“. Путин: „Реформа здравоохранения Обамы?“* (politicalcartoons.com, 10.2014). Превосходная степень прилагательного *stiff* («жесткий, сильный, строгий, непреклонный, чрезмерный, принужденный» и др.) подчеркивает размер угрозы для России. Реакция Путина характеризует тщетность усилий американского президента.

Obama: Vladimir, why would you keep a super bowl ring, you didn't earn? Putin: You kept the Peace Prize... Obama's list: two wars, indefinite detentions, kill list, drone strikes. — Обама: „Владимир, почему вы сохранили кольцо Суперкубка, вы ведь его не заслужили?“ Путин: „Вы же сохранили премию Мира...“ Список Обамы: 2 войны, бессрочные задержания, список убийств, удары с беспилотников (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014).

Президент — беспомощный политик. *Putin's military parade. Obama: Stop him or I'll give a speech! — Военный парад Путина. Обама: „Остановите его, или я произнесу речь“* (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). *Speech* — «речь, выступление, слова, реплика, дар речи». Контекст выражает мысль, что российской армии Обама может противопоставить только ораторское выступление или просто возможность говорить. *About Obama: Your father is practicing to look tough when he teleconferences with Putin today.* — Мишель Обама дочери о президенте: „Твой папа тренируется выглядеть сильным, когда говорит по конференц-

связи с Путиным“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). *Tough* может переводиться словами «жесткий», «грубый», «стойкий», «сильный» и др. Президент США пытается лишь выглядеть жестким политиком.

Iran nukes, Syria, Snowden, gay rights. Now you're really going to make me angry. — Путин, пересекая „красные линии“: „Иранское ядерное оружие, Сирия, Сноуден, права гомосексуалистов“. Обама: „Сейчас вы меня точно разозлите“ (queenbeeworld.wordpress.com, 04.04.2014). Использована визуальная метафора *red line* — «красная линия», «точка невозврата», «правка», «редакционные пометки», «чертеж» и др.

Putin drawing a Red line. Путин красной линией перечеркивает U.S. Influence — влияние США (usnews.com, 2015). *Influence* — «влияние»; «воздействие»; «действие»; «лицо, оказывающее влияние» и др.

Таким образом, при карикатурном изображении Б. Обамы актуальны антропоморфная и зооморфная метафора. При этом сферами-мишенями являются *игра, борьба, рыбалка, сказка*. Б. Обама выступает в разных метафорических ролях: неудачливый игрок, слабый военный соперник, плохой полицейский, плохой рыбак, улов, недальновидный и беспомощный политик. Рассмотренные политические карикатуры, представляющие образы американского и российского лидеров, репрезентируют стратегию «Свой плохой — чужой хороший», которая реализуется посредством следующих тактик: невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст, идеализация/героизация одного из образов.

Д. Трамп, находящийся на посту президента США лишь с 2016 г., является самым изображаемым политическим деятелем в американской и британской политической карикатуре. На 45-го американского президента приходится около 40 % примеров нашего исследования.

Президент — марионетка. Эта метафора возникает в следующих карикатурах.

Подпись к рисунку: *Final debate. H. Clinton: You're a Putin Puppet! Trump: No puppet! No puppet! You're the puppet!* — Финальные дебаты. Х. Клинтон (Уолл-стрит): „Ты — марионетка Путина!“ Трамп (Путин): „Не марионетка! Не марионетка! Это ты марионетка!“ (рис. 9; tulsaworld.com, 10.2016). Связанная с политической ситуацией языковая игра здесь создается артиклями. По мнению исследователей, «метафора театра — это один из наиболее распространенных способов образного представления политики», особенно во время президентской предвыборной кампании [Таратынова 2010: 124].

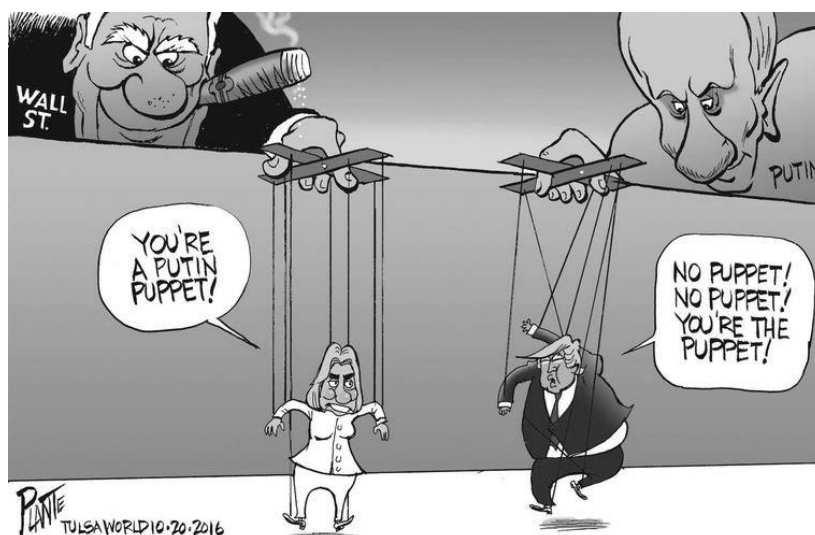

Рис. 9

Рис. 10

Wikileaks. Cyber hacks. Trump: I told you the election is rigged. — Кибератаки. Трамп: „Я сказал вам, что результаты выборов фальсифицированы“ (host.madison.com, 02.2016).

Путин изображен кукловодом Трампа. Название — *Transition of power*. Обама пожимает руку Путину, стоящего за спиной Трампа (editorialcartoonists.com, 17.01.2017).

Надпись на рисунке: *Total invention* — общее изобретение (caglecartoons.com, 04.08.2017). Трамп предстает в образе матрешки, в которой сидит Путин.

На карикатуре стоит сыщик с лупой и листком бумаги, на котором написано: *Russian collusion probe* — Расследование российского тайного сговора. Вокруг в виде разобранных матрешек, судя по всему, вложенных друг в друга, изображены политики: *Putin, Trump, Kushner, Flynn, Manafort, Sessions, Trump Jr.* (caglecartoons.com, 19.07.2017).

The Reality News. Trump wins. Putin: Tell Trump I'll have more FLEXIBILITY after the inauguration. — Путин читает газету „The Reality News“. Заголовок: „Трамп выигрывает“. Путин: „Скажите Трампу, у меня бу-

дет больше гибкости после инаугурации“ (conservativebyte.com, 01.2017).

Trump: Sorry Vladimir... Mike Flynn. — Трамп: „Извини, Владимир...“ Надпись: „Майк Флинн“ (globegazette.com.news, 15.02.2017). Имеется в виду скандальное увольнение помощника Трампа М. Флинна, Трамп представлен в образе марионетки Путина.

Russia's Deputy foreign minister confirms Russia worked with Trump campaign. — Заместитель министра иностранных дел России подтверждает, что Россия работала над кампанией Трампа (images.dailykos.com, 10.11.2016). Трамп изображен в образе марионетки Путина.

Подпись: *Voodoo (voodoo) Trump.* Путин: *I will befriend Trump, get him elected president of U.S.A... and then I will destroy him!* — Вуду-кукла Трампа. Путин: „Я подружусь с Трампом, заставлю его выбрать президентом США, а затем уничтожу его!“ (caglecartoons.com, 17.07.2017).

Образ марионетки эволюционирует в образ, выражающий идею полного подobia. Путин предстает в образе доктора Зло, Трамп — его уменьшенной копии Мини-Ми. *Putin: Mini-me, what's that spinning noise?*

Trump: Sounds like Reagan in his grave. — Путин: „Мини-Ми, что это за жужжание?“ Трамп: „Похоже, это Рейган в своем гробу“ (grondamorin.com, 02.11.2016).

А. И Зверев говорит об эмоционально-экспрессивной коннотации подобных театральных метафор: «Выразителем сарказма, иронии при описании человека служит пара театральных метафор кукловод-марионетка, которые добавляют описанию намеков на не-самостоятельность позиции человека или каких-либо его поступков» [Зверев 2015: 34].

Президент — друг моего врага. Эта идея выражается в ряде карикатур.

В некоторых текстах демонстрируется появление неологизмов *Trumputin* и *Bromance*. Эти контаминанты подчеркивают объединение Трампа и Путина в один образ и их политическую близость. На одном изображении президенты стреляют по звездам, символизирующим флаг Европы. Надпись гласит: *TRUMP/PUTIN hates democracy* — *Трампутин ненавидит демократию* (caglecartoons.com, 15.12.2016). Другая карикатура называется *Trumputin*. Изображена команда поддержки Трампа на президентских выборах 2016 г.: представитель ку-клукс-клана (англ. *Ku Klux Klan*) стоит с буквой **T**, Путин — с буквой **P** (рис. 10; hackwhackers.blogspot.com, 07.2016).

На рисунке перед типичным американским домом стоит табличка *Trumputin* (heraldnet.com, 07.2016). Здесь обыгрывается обычай накануне выборов перед домами ставить таблички с именами политиков, симпатичных жильцам.

Tiny Trump and au pair Putin. Putin: I think he just tweeted a BIG one! — Заголовок: „Крошечный Трамп и няня Путин“. Путин: „Я думаю, он сделал большой твит“ (caglecartoons.com, 20.07.2017). На карикатуре Трамп предстает в образе ребенка с мобильным телефоном в коляске. Путин толкает перед собой коляску. Антропоморфная метафора характеризует главенствующую позицию российского президента по отношению к Трампу.

Bromance — результат соединения двух лексем: *brother* (брат) и *romance* (роман, любовь), автор неологизма — Д. Карни, редактор «Big Brother Magazine». Это обозначение приобрело популярность, о чем свидетельствуют следующие примеры: 1) название карикатуры: *Bromance for bullies. Trump 2016. Trump isn't even hiding his tie Putin.* — Мужская дружба для хулиганов. Трамп-2016. Трамп даже не прячет свою связь с Путиным (crooksandliars.com, 10.2016). Слово *tie* здесь означает «цепь», «связь», «узы»; 2) на рисунке, который также назван *Bromance*,

Путин приклеивает к спине Трампа записку *Kick me.* — *Пни меня* (politicalcartoons.com, 21.12.2015); 3) название карикатуры: *Trump Putin — bromance*. Изображен поцелуй Трампа и Путина, произносящих следующие реплики: *Vlad, you are such a strong leader.* — *No, Donald, you're the strong one* (daryl cagle.com, 10.09.2016).

Охарактеризуем другие работы данной группы.

Название карикатуры: *Putin and Trump and hacking cartoon*. Надписи: *Crooked Hillary Nyet! My ruble's on Trump! Hilary: Now Putin's hacked the jumbotron!* — Путин и Трамп взломали карикатуру. Надпись на большом экране стадиона: „Кривой Хиллари — нет! Мой рубль за Трампа!“ Хиллари: „А сейчас Путин взломал и большой экран стадиона“ (denverpost.com, 27.01.2016).

Hackersack. U.S. Election. Putie. Trump. Assange. — Футбэз. Выборы США. Путин, Трамп, Ассандж (pinterest.com, 03.2017). Политические деятели, как лучшие друзья, играют в футбэз (разновидность футбола с самодельным мячом). На мяче написано: «Выборы США». Единица *hackersack* образована словосложением лексем *hacker* (хакер) и *sack* (мешок) и приобретает коннотативное значение только в рамках этого поликодового текста (forbes.com, 31.07.2016).

На рисунке политики танцуют вприсядку в костюмах, напоминающих русские народные наряды. *Trump: Russia's got talent, am I right? Putin: He gets elected, this is going to be sooo easy...* — Трамп говорит: „У России есть талант, я прав?“ Путин думает: „Его выберут, это будет слишком легко“ (politicalcartoons.com, 06.2016). Русский и американский президенты танцуют вприсядку в казачьих костюмах. Надписи: *Putin: Vulgar, arrogant, shameless egomaniac... Trump: Brutal, thuggish, amoral tyrant... Both: I think I'm in love!* — Путин думает: „Вульгарный, высокомерный, бесстыдный эгоист“. Трамп думает: „Жестокий, бандитский, аморальный тиран“. Думают вместе: „Думаю, я влюбился!“ (toursdelaliberte.blogspot.com, 09.2016).

Персонажи карикатур могут изображаться в бейсболке с надписью «Make America/Russia great again». В таком случае используется прецедентное высказывание «Make America great again». Например: *Putin in a shirt: Trump. Make Russia great again!* — Путин в футболке с надписью: „Трамп. Сделай Россию снова сильной“ (2.bp.blogspot.com, 09.2016). Путин изображен с голым торсом в бейсболке: *Make AMEЯIKA (America) GЯEAT (great) again.* — Сделай Америку снова сильной (caglecartoons.com, 18.08.2016). Кириллические вкрапления представ-

ляют собой прецедентный знак российского происхождения [Высоцкая 2013: 121].

Таким образом, американские и британские СМИ характеризуют Д. Трампа в политической карикатуре через дружбу с российским президентом. Появляются новые лексемы: *Trumputin*, *Bromance*, *Hackersack*. Сфера-источник метафор — театр, танец. Образы Д. Трампа — марионетка, «друг моего врага». Наличие прецедентного высказывания, прецедентных знаков и прецедентного имени российского происхождения усиливают вкладываемый в образы смысл. Стратегия — «Свой такой же плохой, как чужой»; тактики: невыгодное сопоставление, дискредитирующий контекст.

Заключение. В рассмотренных примерах целью американской и британской политической карикатуры является оценка действий американских президентов. Прецедентное имя «Путин» — фон, который помогает достижению поставленной цели. Прецедентные феномены в рассматриваемых примерах: прецедентное имя (*Путин* и др.), прецедентное высказывание (*I looked the man in his eye. I was able to get a sense of his soul* и др.), прецедентная ситуация (политические санкции Б. Обамы и др.), прецедентный знак (кириллические вкрапления).

Подавляющее большинство анализируемых текстов американской и британской политической карикатуры демонстрируют отрицательные образы американских президентов на фоне нейтрального или положительного образа российского президента. Все образы объединены одной категорией — СВОИ — ЧУЖИЕ, при этом ведущая стратегия формирования образа американского политического лидера — «Свой плохой — чужой хороший». Данная стратегия реализуется посредством наиболее частотных тактик: невыгодное сопоставление, создание дискредитирующего контекста, идеализация/героизация одного из образов.

Таким образом, прецедентные феномены и когнитивная метафора — неотъемлемая часть такого жанра поликодового текста, как политическая карикатура. Реальный мир в информационном пространстве транслируется сквозь призму метафоры. В ходе этого процесса события окружающей нас действительности получают вербальное выражение, концептуализируются и категоризируются и становятся частью языковой картины мира. Влияние политической карикатуры трудно переоценить. Политическая карикатура оказывает воздействие на аудиторию через средства массовой информации, являясь поликодовым текстом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Рис. 1. URL: politicalcartoons.com/2000/06/07/ec0af4bbf1d6e4e4233b0385b69a5769/.
2. Рис. 2. URL: media.cagle.com/putin/2001/06/15/KeefeM20010615/.
3. Рис. 3. URL: understandglobalization.com/38678_600/.
4. Рис. 4. URL: seppo.net/cartoons.albums.cartoons.global.politicians.bush_putin_oil_eng450/.
5. Рис. 5. URL: politicalcartoons.com/MKeefe_thedenverpost_01/14/06_28675_600.
6. Рис. 6. URL: media.cagle.com/19/2005/05/10/15587_600.
7. Рис. 7. URL: philsreport.blogspot.com/2013/10/the-poker-game-putin-vs-obama.
8. Рис. 8. URL: [de.cyplive.com/assets.images.news.caricat_17](http://de.cyplive.com/assets/images/news/caricat_17).
9. Рис. 9. URL: tulsaworld.com/opinion.bruceplante.bruceplante-cartoon-trump-and-clinton-the-final-debate.article.10.2016.
10. Рис. 10. URL: vnews.com/milbank-3691913.

ЛИТЕРАТУРА

11. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71—78.
12. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2002. 237 с.
13. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2006. № 1 (007). С. 88—92.
14. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. — Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2007. 149 с.
15. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23.
16. Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 12—16.
17. Валгина Н. С. Теория текста. — М. : Логос, 2003. 173 с.
18. Ворошилова М. Б. «Русская матрешка» глазами европейцев: прецедентные образы в политической карикатуре об «Августовской» войне // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 73—76.
19. Ворошилова М. Б. Мультипликационные герои в современной политической карикатуре [Электронный ресурс] // Человечество в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2013. № 5. С. 37—45. URL: <http://www.cultural-research.ru/Voroshilova.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
20. Ворошилова М. Б. Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре // Лабиринт : журн. социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 116—125.
21. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117—137.
22. Дзюба Е. В. Образы представления мигрантов в чешском политическом плакате // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : сборник статей II Междунар. науч. конф. (24—26 нояб. 2016 г.) / под ред. Н. Ф. Федотовой. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 254—260.
23. Дзюба Е. В., Ткаченко Ю. Г. Советское «лицо феминизма»: манипулятивный потенциал концептуальной метафоры в поликодовом тексте // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 4. С. 5—11.
24. Зверев А. И. Театральная лексика и терминология в политическом дискурсе (на материале русской и немецкой публицистики) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. 260 с.
25. Казакова Е. П. Об употреблении профессионализмов и жаргонизмов с прозрачной внутренней формой в современном английском деловом дискурсе // Вестн. СамГУ. 2011. № 7 (88). С. 81—86.
26. Кошубинская Л. В. Метафора «Информационная атака» как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 77—81.
27. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

28. Литвинова Т. И. Зооморфная метафора как средство концептуализации политической действительности Германии // Изв. ВГПУ. 2015. № 2 (267). С. 177—179.

29. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. 2011 № 15. С. 202—209.

30. Середина Е. В. Визуальная метафора в политической карикатуре // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 70—73.

31. Середина Е. В. Элементы трагизма и комизма в политической карикатуре // Науч. журн. КубГАУ. 2012. № 79 (05). С. 606—618.

32. Середина Е. В. Роль синтаксических средств в политической карикатуре // Науч. журн. КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2013. № 91. С. 1780—1789.

33. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ: моногр. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 136 с.

34. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221—229.

35. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Высшая школа, 1990. С. 180—186.

36. Шустрова Е. В. Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 39—58.

Y. V. Rogozinnikova
Ekaterinburg, Russia

THE IMAGES OF THE PRESIDENTS OF RUSSIA AND THE UNITED STATES IN A POLITICAL CARTOON

ABSTRACT. *Studies in the field of the theory of polycode text are relevant in modern linguistics. On the basis of scientific works in the field of the theory of the polycode text (R. Barth, R. O. Jacobson, Y. A. Sorokin, M. Y. Fedosyuk, M. B. Voroshilova, E. V. Shustrova, E. V. Dzyuba and etc.) and political caricatures (E. A. Artemova, M. B. Voroshilova, D. Graiber, L. A. Mardieva, R. T. Saduov, E. V. Seredina, E. V. Shustrova and others) we make an attempt to analyze the images of political leaders of the United States and Russia in the political caricature of the 21st century. The article gives a brief overview of the role of precedence and metaphor in the political caricature. The work outlines the leading anthropomorphic images of American and Russian presidents, as well as the strategies and tactics of their formation from the point of view of cognitive metaphor. The classification of the most popular images of American presidents (J. W. Bush, B. Obama, D. Trump) in political caricatures is given during the period under review. The material was served by 300 texts of a poetic caricature with images of American and Russian presidents. Dominants of the images under consideration with the points of view of the theory of cognitive metaphor are formed. All analyzed objects are united in the categorial-semantic field of their own alienation. To achieve the goal of the study, the method of cognitive and contextual analysis was used. The overwhelming majority of the analyzed texts of American and British political cartoons show negative images of US presidents against the backdrop of a neutral or positive image of the Russian president, the most frequent tactics are unprofitable juxtaposition, creation of a defamatory context, idealization / glorification of one of the images.*

KEYWORDS: political cartoon; precedent names; political metaphor; political discourse; political metaphorology; Russian presidents; American presidents.

ABOUT THE AUTHOR: Rogozinnikova Yulia Vladimirovna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Ris. 1. URL: politicalcartoons.com/2000/06/07/ec0af4bbf1d6e4e4233b0385b69a5769/.
2. Ris. 2. URL: media.cagle.com/putin/2001/06/15/KeefeM20010615/.
3. Ris. 3. URL: understandglobalization.com/38678_600/.
4. Ris. 4. URL: seppo.net.cartoons.albums.cartoons.global.politicians.bush_putin_oil_eng450/.
5. Ris. 5. URL: politicalcartoons.com/MKeefe_thedenverpost_01/14/06_28675_600.
6. Ris. 6. URL: media.cagle.com/19/2005/05/10/15587_600.
7. Ris. 7. URL: philsreport.blogspot.com/2013/10/the-poker-game-putin-vs-obama.
8. Ris. 8. URL: de.cyplive.com.assets.images.news.caricat_17.
9. Ris. 9. URL: tulsaworld.com.opinion.bruceplante.bruceplante-cartoon-trump-and-clinton-the-final-debate.article.10.2016.
10. Ris. 10. URL: vnews.com/milbank-3691913.
11. Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreo-lizovannykh i gibridnykh tekstov) // Voprosy yazykoznaniya. 1992. № 1. S. 71—78.
12. Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. — Volgograd, 2002. 237 s.
13. Budaev E. V. Gendernaya spetsifika politicheskoy metafori-

37. Сподарец О. О. Воздействующий потенциал изобразительного ряда в креолизованных текстах политического дискурса СМИ (на материале современного американского политического медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 112—117.

38. Сподарец О. О. Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 171—176.

39. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17—29.

40. Таратынова Т. В. Театральная метафора в дискурсе выборов президента России — 2008 // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 21 (202). С. 124—129.

41. Цыбина Н. А. Когнитивные стратегии создания негативного образа России в американских СМИ при освещении газового конфликта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 27 (382). С. 179—184. (Филологические науки; вып. 98).

42. Шалифова О. Н. Медийный образ Хиллари Клинтон и средства его создания // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3 (12). С. 95—100.

43. Шарапова И. Л. Роль политической карикатуры во Франции как катализатор политической борьбы // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 3. С. 162—164.

44. Шустрова Е. В. Языковая игра в американской политической карикатуре на Барака Обаму // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 52—64.

45. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 370 с.

ki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — Tambov, 2006. № 1 (007). С. 88—92.

14. Budaev E. V. Postsovetskaya deystvitel'nost' v metaforakh rossiyskoy i britanskoy pressy. — Nizhniy Tagil: Nizhnetagil. gos. sots.-ped. akad., 2007. 149 s.

15. Budaev E. V. Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 9—23.

16. Budaev E. V. Kontseptual'naya metafora na sluzhbe u razvedki SSHa // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 12—16.

17. Valgina N. S. Teoriya teksta. — M.: Logos, 2003. 173 s.

18. Voroshilova M. B. «Russkaya matreshka» glazami evropey-tsev: pretседentnye obrazy v politicheskoy karikature ob «Avgustovskoy» voyne // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2. S. 73—76.

19. Voroshilova M. B. Mul'tiplikatsionnye geroi v sovremennoy politicheskoy karikature [Elektronnyy resurs] // Chelovek v mire kultury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya. 2013. № 5. S. 37—45. URL: http://www.cultural—research.ru/Voroshilova.pdf (data obrashcheniya: 10.02.2017).

20. Voroshilova M. B. Obraz Vinni-Pukha v sovremennoy ros-

siyskoy politicheskoy karikature // Labirint : zhurn. sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2013. № 4. S. 116—125.

21. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretседentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1 (18). S. 117—137.

22. Dzyuba E. V. Obrazy predstavleniya migrantov v cheskom politicheskom plakate // Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike : sbornik statey II Mezhdunar. nauch. konf. (24—26 noyab. 2016 g.) / pod red. N. F. Fedotovoy. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. S. 254—260.

23. Dzyuba E. V., Tkachenko Yu. G. Sovetskoe «litso feminizma»: manipulyativnyy potentsial kontseptual'noy metafory v polikodovom tekste // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 14. № 4. S. 5—11.

24. Zverev A. I. Teatral'naya leksika i terminologiya v politicheskom diskurse (na materiale russkoy i nemetskoy publitsistiki) : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. 260 s.

25. Kazakova E. P. Ob upotreblenii professionalizmov i zhargonizmov s prozrachnoy vnutrenney formoy v sovremennom angliyskom delovom diskurse // Vestn. SamGU. 2011. № 7 (88). S. 81—86.

26. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «Informatsionnaya ataka» kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 77—81.

27. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.

28. Litvinova T. I. Zoomorfnaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii politicheskoy deystvitel'nosti Germanii // Izv. VGPU. 2015. № 2 (267). S. 177—179.

29. Mardieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretседentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) // Vestn. Perm. un-ta. 2011 № 15. S. 202—209.

30. Seredina E. V. Vizual'naya metafora v politicheskoy karikature // Vestn. KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 3. S. 70—73.

31. Seredina E. V. Elementy tragizma i komizma v politicheskoy karikature // Nauch. zhurn. KubGAU. 2012. № 79 (05). S. 606—618.

32. Seredina E. V. Rol' sintaksicheskikh sredstv v politicheskoy karikature // Nauch. zhurn. KubGAU — Scientific Journal of KubSAU. 2013. № 91. S. 1780—1789.

33. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskiy i semioticheskiy analiz : monogr. — Ufa : RITs BashGU, 2012. 136 s.

34. Saduov R. T. Pretседentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennogo rossiyskogo politicheskogo komiksa) // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 221—229.

35. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M. : Vysshaya shkola, 1990. S. 180—186.

36. Shustrova E. V. Proyavlenie osnovnykh arkhетipicheskikh obrazov v amerikanskoy politicheskoy karikature // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 1 (43). S. 39—58.

37. Spodarets O. O. Vozdeystvuyushchiy potentsial izobrazitel'nogo ryada v kreolizovannykh tekstakh politicheskogo diskursa SMI (na materiale sovremennogo amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 112—117.

38. Spodarets O. O. Polikodovost' kak klyuch k novostnomu politicheskomu mediatekstu // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 171—176.

39. Suprun A. E. Tekstovye reministsentsii kak yazykovoe yavlenie // Voprosy yazykoznaniya. 1995. № 6. S. 17—29.

40. Taratynova T. V. Teatral'naya metafora v diskurse vyborov prezidenta Rossii — 2008 // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2010. № 21 (202). S. 124—129.

41. Tsybina N. A. Kognitivnye strategii sozdaniya negativnogo obraza Rossii v amerikanskikh SMI pri osveshchenii gazovogo konflikta // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2015. № 27 (382). S. 179—184. (Filologicheskie nauki ; vyp. 98).

42. Shalifova O. N. Mediynnyy obraz Khillari Klinton i sredstva ego sozdaniya // Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik. 2016. № 3 (12). S. 95—100.

43. Sharapova I. L. Rol' politicheskoy karikatury vo Frantsii kak katalizator politicheskoy bor'by // Vestn. Om. un-ta. 2013. № 3. S. 162—164.

44. Shustrova E. V. Yazykovaya igra v amerikanskoy politicheskoy karikature na Baraka Obamu // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 52—64.

45. Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 370 s.